

Сов. Россия, 1985, № 1, с. 105

БЕССМЕРТНЫЙ «КОНЕК»

О ВЕЛИКОЙ СКАЗКЕ И ЕЕ СОЗДАТЕЛЕ

Лишь только поезд проскочит мрачный строй точеных, словно стрелы, сосен и пихт, лишь только охватит тебя вольным ветром, накатившим с «ермаковой реки» — Иртыша, как пропечатывается на небосклоне белая плоть Тобольского кремля. И ты, оглушенный этой красотой, ждешь: вот-вот над золочеными маковками собора взлетит на своем длинноухом Коньке-Горбунке разудалый крестьянский сын Иванушка.

Будучи в зените славы, Петр Павлович Ершов иногда с горькой усмешкой говаривал: «Что мне чины и почести, когда я стою только грош!» В словах его не было бравлады. По семейному преданию, поэт родился настолько слабым, что отчаявшиеся родители (как-никак похоронили 12 детей!) прибегли к древнему сибирскому обычаю: «продали» ребенка вместе с его болезнью за грош случайно подвернувшемуся нищему-бродяге. Унесет, мол, с собой навалившееся горе.

Даже не все тоболяки знают, что случилось это в деревеньке Везруковой, затерянной в голой Ишимской степи, где наперегонки с табунами коней разгуливали свирепые бури. Отсюда и строчка будущего поэта: «Мой первый слух был — вой бурана...» Впрочем, дотошный исследователь по одной только сказке «Конек-Горбунук» может проследить, куда в юные лета Петра Ершова заносила судьба. Нарядная пестрота конного базара — это наверняка от Омска. Сюда стекались купцы из всех «волшебных стран» — Индии, Китая, Афганистана. В

Петропавловске впечатлительный мальчишка видел лихих скакунов, а еще — поразившего его верблюда. И верится, что именно тогда зародился образ лошадки «на спине с двумя горбами».

Жизнь отца будущего поэта, полицейского чиновника, была скитальческой. И вот уже дорога молодого Петра лежит в северный Березов. Сам я родом из этого былинного поселка, и мне нетрудно установить, откуда, например, появилась в сказке Рыба-кит. Дело в том, что в те годы на берега Карского моря выбросило самого настоящего кита. Его, уже обглоданного псадами, обнаружил и даже старательно обмерил березовский купец А. И. Нижегородцев, который был хорошим знакомым отца Ершова.

151 год назад преподаватель словесности П. А. Плетнев, войдя в студенческую аудиторию Петербургского университета, вместо обычной лекции начал читать... сказку «Конек-Горбунук». Слушателей потряс не только глубоко народный язык произведения, но и тот мир, который им открылся. Но они были поражены еще больше, когда узнали, что «Конька-Горбунка» написал их 19-летний конкурент, прибывший в столицу из какого-то там захолустного Тобольска.

Нет, не так уж проста была сказка, коль па нее сразу после выхода начались беспощадные гонения. Царские цензоры пытаются сгладить острые углы «Конька-Горбунка», но подлинная сказка живет. Ее заучивают наизусть, распространяют в рукописях.

Тогда верные трону книгоиздатели начали прибегать к контрамерам. Они издают подделки под «Конька-Горбунка», в которых богато разодетый люд бьет беспрестанные поклоны царю, а тот выглядит таким рубахой-парнем, готовым озолотить любого и каждого. В Тобольском музее, например, можно увидеть сказку-подделку под таким пространным названием на титульном листе: «Новый «Конек-Горбунук», или Рассказы Фомы-старичка про Ивана-дурачка». Зато на обложке — должен же клюнуть читатель! — вытиснено: «Конек-Горбунук». Указан и автор. Им-де является все тот же П. Ершов. Подобных изданий за 40 лет вышло более 60 (!).

Но следует сказать и о подделках иного рода. Одна из них — «Конек-скакунок» — принадлежала перу профессионального революционера С. А. Басова и в открытую звала народ на борьбу против самодержавия. За попку автора новоявленной сказки была обещана награда в 5 тысяч рублей, а в Омске за чтение крамольного «Скакунка» даже судили двух солдат.

За годы Советской власти настоящий «Конек-Горбунук» обскакал весь мир. С этой чудесной сказкой познакомились дети Англии и Франции, Японии и США, Польши и Италии...

Но вернемся к П. Ершову. Почему-то укоренилось мнение, что он певец «одной песни». А между тем перу тоболяка принадлежит множество стихотворений, рассказов, драматическая повесть, либретто для оперы «Страшный меч»,

несколько пьес, в том числе «Суворов и стационарный смотритель», и даже «Программа словесности» для гимназий. Есть у Ершова две поэмы, одна из которых, «Сузге», написана по мотивам татарских преданий и, осмелюсь заверить читателей, может смело стать рядом со знаменитым «Коньком». Читаешь поэму и как бы уносишься на четыре столетия назад в повитые легендами времена...

О себе Петр Павлович Ершов когда-то писал, что он «жил надеждами богатый». Диву даешься, когда узнаешь, что поэт, подаривший миру столько чудесных строк, последние годы жил в ужасающей бедности. Чуть ли не каждая строка его переписки вызывает: «Помогите!» И умер он, не имея своего угла. А в его коротке после смерти нашли один лишь пятак. С гроша началась жизнь, пятаком закончилась...

Разметали белостовольные березы свои косы над мраморным надгробием с лаконичной надписью: «Петр Павлович Ершов. Автор народной сказки «Конек-Горбунук». В центре города Тобольска ему установлен памятник. Я же держу в руках памятную медаль. На одной ее стороне отчеканены мускулистые ладони, как бы вздымающие к лучезарному солнцу буровую вышку. На другой — распахнутая книга, со страниц которой еще только-только собирается взлететь сказочный конек Петра Ершова, 170-летний юбилей которого мы отметили в эти дни.

Б. ГАЛЯЗИМОВ.

Тюмень.